

© 2002 г., ЭО, № 5

А.В. Коротаяев**О КОЛИЧЕСТВЕННОМ КРОСС-КУЛЬТУРНОМ
МЕТОДЕ, МОТЫЖНОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ,
МАТРИЛОКАЛЬНОСТИ, ЖЕНСКОМ
ВКЛАДЕ В ЭКОНОМИКУ И ДРУГИХ СЮЖЕТАХ**

А.А. Белик и С.В. Соколовский не ставят под сомнение количественный кросс-культурный метод, критикуя нас (в значительной степени вполне обоснованно) прежде всего за определенные технические погрешности в его применении. О.Ю. Артемова же, по сути дела, ставит под сомнение сам этот метод, признавая за ним лишь (самое большее) вспомогательное значение и лишь «на каких-то предварительных этапах работы». Главное же, она ставит под сомнение возможность использования количественных кросс-культурных методов в процедурах верификации/фальсификации социо-антропологических гипотез (для этого данный метод прежде всего и используется). И это уже действительно принципиально. А так как мы достаточно широко данным методом пользуемся, основное внимание будет уделено именно этим критическим замечаниям.

Так способны ли количественные кросс-культурные исследования хоть что-то доказать или опровергнуть? О.Ю. Артемова, как кажется, склонна отвечать на этот вопрос отрицательно.

Разберем поподробнее один из приводимых ею конкретных примеров: «Этнологами-теоретиками неоднократно высказывались гипотезы, что мотыжное земледелие ввиду важности в нем женского труда ведет к развитию матрилокальности брака и (вследствие этого) к матрилинейности счета родства... Кросс-культурные исследователи захотели подобные гипотезы проверить с помощью своих методик... Применив сложные математические процедуры, они получили результат, согласно которому значимые корреляции между взятыми переменными отсутствуют, т.е. если, скажем, мотыжное земледелие с характерным для него разделением труда и сочетается с матрилокальностью, то далеко не всегда, и "несоответствий" настолько много, что говорить об обязательном или хотя бы типичном "тандеме" не приходится. Допустим далее, что такой результат в самом деле "математически точно" отражает реальную картину на том (сравнительно коротком) этапе мирового развития, который охвачен базами данных. Опровергает ли это упомянутые выше гипотезы, решает ли вопрос негативно? Нет. Это лишь показывает, что скажем, мотыжное земледелие вполне может сосуществовать с патрилокальностью, и процент "сосуществований" такой-то, и т.п. Но разве мы (в том числе те, чьи гипотезы проверялись) раньше не знали об этих и подобных сочетаниях? И разве пусть даже очень значительный процент "несоответствий" может стать решающим аргументом, когда дело касается сложнейших и запутаннейших процессов, развивавшихся при участии массы самых разнообразных факторов, многие из которых мы и вообразить-то не сможем?»

Давайте-ка, кстати, проведем собственную кросс-культурную проверку упомянутой выше гипотезы (для чего нам, между прочим, потребуете прибегнуть не к каким-то запредельно сложным, а к самым элементарным математическим – а, скорее, просто арифметическим – процедурам, прежде всего элементарному подсчету процентов). Надеюсь, проверка эта поможет понять, почему же специалисты по количественным кросс-культурным исследованиям столь скептически относятся к данной гипотезе.

Результаты проверки этой гипотезы с использованием базы данных «Этнографический атлас» выглядят следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Матрилокальность и тип хозяйства

Матрилокальность	Тип хозяйства		ИТОГО
	0 = присваивающая экономика	1 = мотыжное земледелие как основа хозяйства ¹	
0 = отсутствует	203 (84%)	378 (93%)	581
1 = присутствует	38 (16%)	29 (7%)	67
ИТОГО	241 (100%)	407 (100%)	648

Как мы видим, имеющиеся в нашем распоряжении этнографические данные не могут не поставить утверждение о том, что «мотыжное земледелие ввиду важности в нем женского труда ведет к развитию матрилокальности брака», под серьезное сомнение (а попросту говоря, позволяют признать его – по крайней мере в упомянутой выше формулировке – ложным). Действительно, исключений из постулированного О.Ю. Артемьевой и другими (воспользуюсь выражением самого оппонента) «этнологами-теоретиками» правила оказывается не просто много, а катастрофически много. Как мы видим, на каждый случай, подтверждающий правило, приходится 13 (!) исключений из правила. Я думаю, не нужно обладать умением применять какие-то «сложные математические процедуры», для того чтобы понять, что при таком соотношении ни о каком правиле говорить не приходится.

О.Ю. Артемова продолжает свои рассуждения следующим образом: «Сторонники перечисленных выше и аналогичных гипотез возразят "верификаторам" (между прочим, О.Ю. Артемова могла бы с совершенно достаточными основаниями назвать нас и "фальсификаторами", и это было бы даже точнее, ибо рассматриваемая гипотеза была выше, строго говоря, именно фальсифицирована. – А.К.) – и будут, по моему, правы, – что причинно-следственные зависимости, подобные тем, которые они предполагают, имеют своим условием длительное (многотысячелетнее) взаимодействие *развивающихся явлений*. Техники мотыжного земледелия с решающей ролью женского труда, развиваясь постепенно и долговременно, формируют стереотипы брачного поселения, способствующие эффективности хозяйственной деятельности, а также рациональной организации общежития, преемства прав, обязанностей и навыков. Но в истории человечества техники мотыжного земледелия и соответствующие формы разделения труда *развивались* самостоятельно несравненно реже, чем заимствовались в более или менее *готовом* виде, налагаясь при этом на *готовые*, формировавшиеся тысячелетиями стереотипы брачного поселения, наследования прав и т.д. Так, папуасы Новой Гвинеи десятки тысячелетий занимались охотой и собирательством в сравнительно благоприятных для этого условиях, что, как можно с достаточным основанием полагать, позволило им сформировать устойчивые традиции патрилокальности и патрилинейности. Когда у них всего 5–6 тыс. лет назад сравнительно быстро распространилось привнесенное островными соседями мотыжное земледелие, они адаптировали новые техники хозяйствования к своим имеющим глубокие корни организационным стереотипам».

Безусловно, мотыжное земледелие к матрилокальности ведет, но медленно-медленно. Вот если бы папуасы перешли к мотыжному земледелию 50 тыс. лет назад, то, конечно, матрилокальное брачное поселение у них было бы давно. А так, какие-то жалкие «5–6 тыс. лет»... О чем тут говорить?

Хотя говорить, естественно, есть о чем. Например, много ли мы вообще найдем мотыжных земледельцев, которые так давно перешли к земледелию? (Не говоря уже о том, что земледелие на Новой Гвинее появилось значительно раньше, чем это утверждает О.Ю. Артемова, а именно, около 9 тыс. лет тому назад².)

Завершает свой отклик О.Ю. Артемова следующими словами: «Гуманитарное мышление по сути своей концептуально. При глубоком знании материала ему доступно "схватывать" очень сложные и тонкие взаимосвязи и взаимозависимости... Что же касается таких гипотез, к которым просто из огромного комплекса фактов подбираются лишь факты, эти гипотезы подтверждающие, а противоречащие факты оставляются без внимания, – то это очень плохие скороспелые гипотезы. Несостоятельность таких гипотез обычно бывает сразу же видна исследователю, хорошо разбирающемуся в соответствующей проблематике».

О.Ю. Артемова, по видимому, полагает, что для того, чтобы установить правильность той или иной постулированной закономерности достаточно просто «хорошо разбираться в соответствующей проблематике», «схватить тонкую взаимосвязь», не прибегая при этом ни к какому математическому анализу статистической значимости исключений, не пытаясь даже установить количественного соотношения между числом известных науке случаев, подтверждающих правило, и числом исключений из этого правила. Таким образом, речь идет лишь о теоретическом «качественном» анализе данных плюс, по всей видимости, исследовательской интуиции. Без какой-либо строгой эмпирической проверки выводов (а не подбора удобных для этнолога-теоретика иллюстраций его правоты).

Как кажется, приведенный выше пример показывает, что этого все-таки совершенно недостаточно, что и «этнолог с 25-летним стажем», «хорошо разбирающийся в соответствующей проблематике» (а я считаю О.Ю. Артемову исключительно высококвалифицированным этнологом), вполне может не увидеть «непригодности... очень плохой скороспелой гипотезы...», к которой просто из огромного комплекса фактов подбираются лишь факты, эту гипотезу подтверждающие, а противоречащие факты оставляются без внимания». И дело здесь не в недостатке знаний и остроты ума, а в общих «антипозитивистских» установках, в отрицании необходимости строгой эмпирической проверки выдвигаемых гипотез.

Отметим, что О.Ю. Артемова здесь находится во вполне достойной компании со многими самыми выдающимися представителями человечества, обладающими самыми блестящими знаниями и исключительной остротой ума (но разделяющими «антипозитивистские» установки О.Ю. Артемовой). Вспомним хотя бы одного из самых выдающихся ученых всех времен и народов Аристотеля и его утверждение о том, что чем тяжелее тело, тем быстрее оно должно падать на землю. Казалось бы, все здесь логично и убедительно. Чем тяжелее тело, тем с большей силой его земля притягивает. А чем большая сила на тело действует, тем быстрее оно движется. Посмотрите кругом – как медленно падает на землю легкий тополиный пух, а как быстро – тяжелый камень. Возьмите в одну руку 25-килограммовую гирю, а в другую – маленький легкий деревянный шарик. Прислушайтесь к самому себе. Вся ваша интуиция будет вам подсказывать, что не может легкий шарик понестись к земле с той же скоростью, что и тяжеленная гиря. И какой смысл лезть на какую-нибудь Пизанскую башню и устраивать строгую эмпирическую проверку такой интуитивно очевидной и убедительно теоретически обоснованной истине? «И разве, пусть даже очень значительный, процент "несоответствий" может стать решительным аргументом, когда дело касается сложнейших и запутаннейших процессов, развивающихся при участии массы самых разнообразных факторов, многие из которых мы и вообразить-то не сможем?» Ведь и на тело, несущееся к земле, что только не действует: и ветер, и электромагнитные поля, и атмосферные осадки – в общем, «масса самых разнообразных факторов». И всегда ведь можно сказать, что на шарики этого чудака из Пизы действовали как раз те самые «разнообразные факторы, которых мы и вообразить-то не сможем». Или объяснить «аномалию» тем, что башня

недостаточно высока. Вот если бы она была высотой в 100 км, то все было бы по Аристотелю.

В целом на вопрос, вынесенный О.Ю. Артемовой в заголовок своего отклика, я, в отличие от нее, готов дать недвусмысленно положительный ответ. Да, времена карандаша, листа бумаги и острого ума миновали. По крайней мере, для исследователей, ориентированных на изучение любого рода закономерностей³. Но только не год, и не 10 лет, а пять веков тому назад.

Вернемся от Аристотеля обратно к О.Ю. Артемовой. Почему отстаиваемая ею исключительно правдоподобная гипотеза не выдержала кросс-культурной проверки? Опыт показывает, что внутренне логичная гипотеза никогда не бывает полностью неправильна. И если она не выдерживает проверки, это свидетельствует прежде всего о том, что ее авторы не учли каких-то мощных общих факторов, систематически блокирующих действие постулированной ими закономерности (и ссылки на загадочные «охотничьи» субстраты, способные многие тысячелетия блокировать воздействие самых мощных экономико-технологических сдвигов, здесь вряд ли смогут помочь). Ведь нельзя сказать, что и Аристотель был совсем уж не прав. Да, сила притяжения, действующая на тело, тем больше, чем больше его масса. Действительно, скорость движения тела тем больше, чем бо́льшая сила к нему приложена. Аристотель лишь не учел, что при данной силе скорость тела будет тем больше, чем меньше его масса, т.е. факта равенства гравитационной и инерционной массы. Так каких же подобного рода факторов не учли О.Ю. Артемова и другие этнологи-теоретики, разделяющие ее точку зрения?

Как мы помним, по их мнению, «мотыжное земледелие... ведет к развитию матрилокальности брака» «ввиду важности в нем (мотыжном земледелии. – А.К.) женского труда». Моя кросс-культурная проверка показала, что значимая корреляция между мотыжным земледелием (vs. присваивающая экономика) и вкладом женщин в экономику действительно наблюдается.

Однако как женский вклад в экономику коррелирует с матрилокальностью? О.Ю. Артемова и вывод кросс-культурных исследователей об отсутствии значимой корреляции между этими переменными склонна ставить под сомнение (отмечу, кстати, что сходную позицию занимал и основоположник традиции количественных кросс-культурных исследований в США Дж.П. Мёрдок⁴). И здесь интуиция и квалификация О.Ю. Артемовой подводят ее отнюдь не в столь катастрофической степени, как в случае с предыдущей гипотезой. Как же выглядит здесь общая ситуация?

Первые кросс-культурные проверки, казалось бы, подтверждали правильность гипотезы о наличии закономерной связи между женским вкладом в экономику и матрилокальностью⁵. Однако проводившие их Х.Е. Драйвер и У.С. Мэсси пользовались при этом выборками, состоявшими исключительно из обществ североамериканских индейцев, в то время как во всех последующих кросс-культурных проверках с использованием выборок, включавших в себя культуры всего мира, другим исследователям не удалось обнаружить статистически значимой корреляции между разделением труда между полами и локальностью брачного поселения⁶, что, казалось бы, оправдывает следующее утверждение Б. Пастернака, К.Р. Эмбер и М. Эмбера: «Мы не находили никакой связи между относительным вкладом мужчин и женщин в экономику и локальностью брачного поселения»⁷. Однако, на мой взгляд, «кросс-культурная критика» данной гипотезы не является вполне корректной.

С одной стороны, проведенное мной количественное кросс-культурное исследование⁸ показало, что статистически значимая прямолинейная положительная корреляция между женским вкладом в экономику и матрилокальностью не прослеживается ни в одной из опубликованных к настоящему времени кросс-культурных антропологических баз данных. С другой стороны, более внимательный анализ показал, что значимая корреляция здесь все-таки наблюдается, но она носит криволинейный характер: как только женский вклад в жизнеобеспечивающую экономику достигает заметного уровня, это делает переход к неунилокальному или матрилокальному по-

селению значительно более вероятным. Однако после того, как женский вклад в экономику достигает определенного порогового уровня, что-то начинает происходить. Корреляция сначала исчезает, а потом становится отрицательной⁹. Таким образом, то, что, на первый взгляд, выглядело как статистически незначимая прямолинейная положительная корреляция между женским вкладом в экономику и матрилокальностью, при более глубоком анализе оказывается безусловно статистически значимой криволинейной корреляцией.

Но чем может объясняться тот факт, что после определенного порогового уровня женский вклад в экономику перестает положительно значимо коррелировать с матрилокальностью, а при дальнейшем росте этого вклада он даже начинает коррелировать с матрилокальностью отрицательно? Конечно же, в подобном контексте имело бы смысл поискать такую детерминанту патрилокальности/нематрилокальности, значение которой бы росло вместе с ростом женского вклада в экономику, постепенно нейтрализуя, а в дальнейшем и оборачивая вспять матрилокальную тенденцию.

Мое исследование показало, что один из таких факторов – общая несороральная полигиния¹⁰. Логика объяснения этой закономерности может быть изложена здесь следующим образом.

Хотя рост женского вклада в жизнеобеспечивающую экономику в тенденции ведет к матрилокальному брачному поселению, он одновременно делает полигинию все более и более привлекательной для мужчин. Обычный плужный земледелец в культуре с низким женским вкладом в экономику даже при отсутствии идеологического табуирования полигинии вряд ли будет всерьез рассматривать перспективу завести себе пять жен (так как он просто не сможет прокормить всех их и их детей). Однако это не ставит сколько-нибудь серьезной проблемы для мотыжного земледельца в обществе с очень высоким женским вкладом в экономику. Если первый, приобретя пять жен, в первую очередь получит пять ртов, которые ему же и надо будет кормить, то последний, получив пять жен, приобретет себе прежде всего десять рук, которые вполне могут и сами прокормить этого мужчину¹¹. Поэтому вряд ли может вызвать удивление то обстоятельство, что заметное число кросс-культурных исследований обнаружило существование значимой положительной корреляции между женским вкладом в экономику и полигинией¹².

Если общая полигиния развивается в сороральной форме, она может оказаться вполне совместимой с матрилокальным поселением. Однако сороральная полигиния по всей видимости не может полностью решить для большинства мужчин проблему максимизации числа жен. Многие женщины вообще не имеют сестер, да и их общее число в любом случае не может не быть ограниченным. Таким образом, при очень высоком женском вкладе в экономику любой более или менее влиятельный и зажиточный индивид будет склонен предпочесть скорее несороральную полигинию, чем сороральную. Поэтому вряд ли может вызвать удивление тот факт, что если несороральная полигиния безусловно статистически значимо коррелирует с женским вкладом в экономику ($\alpha = 0,0000003$, односторонний тест), то значимой связи между женским вкладом в экономику и сороральной полигинией не наблюдается ($\alpha = 0,34$, односторонний тест).

Кроме того, еще Дж. Мёрдоком было замечено, что общая несороральная полигиния разрушает матрилокальность (и описан социальный механизм, посредством которого это разрушение происходит)¹³. И действительно, общая полигиния (и в особенности общая несороральная полигиния) положительно (и статистически значимо) коррелирует с патрилокальностью, демонстрируя вместе с тем статистически значимую отрицательную корреляцию с матрилокальностью (см. табл. 2).

Неудивительно поэтому, что когда мы проконтролировали действие фактора общей несороральной полигинии, то положительная корреляция между женским вкладом в экономику и матрилокальностью (бывшая статистически незначимой до введения этого контроля) стала статистически значимой.

Таблица 2

Общая несороральная полигиния* Матрилокальность
(Стандартная кросс-культурная выборка)¹⁴

Ускори-/матрило- кальное поселение	Общая несороральная полигиния		ИТОГО
	0 (отсутствует)	1 (присутствует)	
0 = отсутствует	100 (73,5%)	46 (95,8%)	146
1 = присутствует	36 (26,5%)	2 (4,2%)	38
ИТОГО	136 (100,0%)	48 (100,0%)	184

Примечание: $\alpha = 0,0004$, односторонний тест (точный тест Фишера) $\gamma = -0,78$; $\alpha = 0,00001$.

Итак, в конце концов, в отличие от наших предшественников нам удалось обнаружить статистически значимую холокультуральную корреляцию между разделением труда по полу и локальностью брачного поселения и при этом в направлении, предсказанном этнологами-теоретиками. Как выясняется, корреляция эта была замаскирована действием фактора общей несороральной полигинии, эффективно и систематически блокирующим "матрилокализирующее" влияние роста женского вклада в экономику.

Таким образом, проведенное кросс-культурное исследование позволило выявить в теоретических построениях этнологов-теоретиков (к числу которых наряду с О.Ю. Артемовой можно отнести и большое число видных социокультурных антропологов¹⁵) относительно воздействия разделения труда между полами на локальность брачного поселения по крайней мере один серьезный дефект (не замеченный, кстати, и «кросс-культурными фальсификаторами» этих теорий). Этнологи-теоретики обратили внимание на то, что рост женского вклада в экономику способствует отходу от патрилокальности и переходу к матрилокальности, однако они не учли того факта, что общая несороральная полигиния оказывает здесь прямо противоположное воздействие, в то время как высокий женский вклад в экономику статистически значимо коррелирует с общей несороральной полигинией, в результате чего рост женского вклада в экономику не ведет систематически к переходу к матрилокальности. Неудивительно поэтому, что и переход к мотыжному земледелию, как правило, к становлению матрилокальности не ведет¹⁶.

Изложенное выше дает основание предполагать, что переход к мотыжному земледелию будет сколько-нибудь систематически сопровождаться переходом к матрилокальности, только если при этом не будет наблюдаться роста несороральной полигинии. Проведенная нами кросс-культурная проверка подтвердила правильность этой гипотезы¹⁷ (см. табл. 3).

Итак, переход к мотыжному земледелию может, по-видимому, действительно, с той или иной степенью систематичности вести к переходу к матрилокальности¹⁹, но только при условии, что рост женского вклада в экономику, вызванный переходом к земледелию, не будет сопровождаться ростом общей несороральной полигинии. И даже в этом случае речь может идти лишь о достаточно слабой (хотя и статистически значимой) тенденции. Таким образом, проведенный кросс-культурный анализ показывает, что переход к мотыжному земледелию может выступать статистически значимым фактором перехода к матрилокальности лишь в определенных (и при этом не слишком часто встречающихся) условиях, и даже в этих случаях речь может идти лишь о довольно слабом факторе. Как видно, какие-либо объяснения фактов перехода того или иного человеческого сообщества к матрилокальности его переходом

Таблица 3

Для обществ «Стандартной кросс-культурной выборки»,
не практикующих общую несороральную полигинию

Матрилокальность	Тип хозяйства		ИТОГО
	0 = присваивающая экономика	1 = мотыжное земледелие как основа хозяйства ¹⁸	
0 = отсутствует	22 (79%)	16 (59%)	38
1 = присутствует	6 (21%)	11 (41%)	17
ИТОГО	28 (100%)	27 (100%)	55

Примечание: $\gamma = 0,43$; $\alpha = 0,057$, односторонний тест

к мотыжному земледелию нельзя признать достаточными (даже если при этом не наблюдалось роста несороральной полигинии). Нужно еще объяснить, почему при этом не произошло роста несороральной полигинии, и выявить набор дополнительных факторов, приведший к развитию матрилокальности.

Проделанное нами кросс-культурное исследование показывает, что те или иные гипотезы, постулирующие существование сколь угодно правдоподобных универсальных социоантропологических закономерностей, **обязательно** должны подвергаться количественной кросс-культурной проверке. При этом к отрицательным результатам таких проверок следует относиться максимально серьезно.

Из всего изложенного выше, на мой взгляд, также вытекает следующая практическая рекомендация: если количественная кросс-культурная проверка не подтвердила правильности выдвинутой гипотезы, не стоит паниковать, не стоит пускаться в рассуждения о том, что-де все эти количественные кросс-культурные проверки ничего ни доказать, ни опровергнуть не могут, что компьютеры – они от лукавого, а лучше «карандаша, листа бумаги и острого ума» человечество все равно ничего не придумало. Лучше поискать дефект в имеющихся теоретических построениях, подумать, действие каких факторов не было учтено (отмечу, что по моим наблюдениям, на этой стадии особенно полезным оказывается именно то, к чему призывает О.Ю. Артемова, – тщательное изучение отдельных случаев, в особенности тех, которые не укладываются в анализируемую гипотезу). В результате наша гипотеза будет все более и более совершенствоваться, и рано или поздно она кросс-культурную проверку успешно пройдет. Как правило (если, конечно, в исходных теоретических построениях не содержалось серьезных логических ошибок), выяснится, что постулированная закономерность действительно наблюдается, но не всегда, не везде и не при всех обстоятельствах, а только при соблюдении определенных условий (и, скорее всего, отнюдь не с той интенсивностью, которая изначально предполагалась).

С.В. Соколовский и О.Ю. Артемова ставят вопрос о единицах сравнения в количественных кросс-культурных исследованиях. Особенно много внимания этому вопросу уделяет О.Ю. Артемова, полагая, что вообще эта проблема ставит под сомнение валидность результатов большинства количественных кросс-культурных исследований.

«...Цифры и построенные на их основе диаграммы в данном случае (как и во многих подобных) не являются доказательством... потому что "конечные" цифры выводятся в результате оперирования с сомнительными "начальными" цифрами. Это главное.

Ведь что подсчитывается на начальных этапах процедуры? Количество "обществ" ("социумов", "культур", "культурных единиц", "этносов"), в которых такие-то черты социальной и духовной жизни сочетаются с такими-то. В качестве

основных "операциональных единиц" масштабного категориального этносоциологического или историко-социологического мышления понятия "общества", "социумы", "культуры" и "этноты" весьма удобны, но они, в сущности, – академическая условность. Математике же нужны конкретные, дискретные, соизмеримые единицы.

А.Р. Рэдклифф-Браун писал в 1940 г.: "На современном этапе человеческой истории сеть социальных отношений покрывает весь мир, абсолютных нарушений ее непрерывности нет нигде. Это ведет к затруднению, [которое] ...состоит в том, чтобы определить значение термина "общество". Социологи обычно говорят об обществах так, как если бы это были разграниченные, дискретные реальности... Британская империя – это общество или собрание обществ? Китайская деревня – это общество или просто фрагмент Республики Китай?"» И т.д.

Вызывает сожаление, что О.Ю. Артемова не имела возможности познакомиться со статьей, написанной мной совместно с моим американским коллегой В. де Мунком и специально посвященной анализу как раз круга вопросов, поднимаемых О.Ю. Артемовой²⁰. Там она нашла бы подробные ответы на все поднятые ею вопросы. Поэтому ограничусь здесь лишь одним замечанием. Проблема единиц сравнения решена в количественных кросс-культурных исследованиях довольно давно²¹ и достаточно просто. В такого рода исследованиях сравниваются на самом деле не культуры, не общества, а общины, принадлежащие к разным обществам. Так содержащаяся в «Этнографическом атласе» информация в строке, в начале которой стоит обозначение *Spanish Basques* (испанские баски), относится вовсе не ко всем испанским баскам, а к обитателям деревни Вера де Бидасоа (Vera de Bidasoa: 43°15' с.ш.; 1°40' з.д.) в том виде, в каком они были описаны в ходе полевых исследований 1940 г. Х. Каро Бароха²². Поэтому знак, указывающий в данной строке на патрилокальность, означает лишь, что подавляющее большинство пар, заключивших брак в этой баскской деревне в 1940 г. (и предшествующие годы), поселились после брака вместе с родителями мужа, что не исключает, естественно, возможности того, что баскам, обитающим в Бильбао, было свойственно в то же самое время амбилокальное и неолокальное брачное поселение. Но на представление информации по баскам Бильбао «Этнографический атлас» и не претендует. Содержащаяся же в нем информация в строке, в начале которой стоит обозначение *Punjabi* (панджабцы), относится вовсе не ко всем панджабцам, а к обитателям деревни Мохла (Mohla: 32°30' с.ш.; 74° в.д.) в том виде, в каком они были описаны в ходе полевых исследований 1950 г. З.С. Эгларом²³. И т.д.

Остановлюсь в заключение на одном положении нашей статьи, которое вызвало возражения у всех дискуссантов. Речь идет о нашем утверждении, что «в социокультурной антропологии 90% всех реальных номотетических открытий за последние 30 лет» было сделано в рамках именно количественного кросс-культурного подхода. И снова наиболее развернутая и яркая критика этого утверждения принадлежит О.Ю. Артемовой: «И вряд ли применение сложных математических манипуляций со сложно препарированной этнологической информацией может быть залогом *окончательных выводов* глобального свойства, *нерушимых доказательств* тех или иных причинно-следственных зависимостей, а тем более источником *номотетических открытий "универсальных социокультурных закономерностей"*. По меньшей мере, странно читать утверждение, что "90% всех реальных (здесь и в других цитатах курсив мой. – О.А.) *номотетических открытий* за последние 30 лет" было сделано в рамках именно количественного кросс-культурного подхода. Это может впечатлить лишь простодушного новичка в гуманитарных науках в целом, и в этнологии – в частности. Что считать *реальными* открытиями в нашей области и как исчислять их количество? Да и много ли подлинных открытий теоретического характера сделано в нашей науке за всю историю ее существования, чтобы еще выделять процент, приходящийся на последнее 30-летие. Никого, кроме самих себя, поборники количественных методов в *реальности* этих 90% не убедят. И очень повредят подобными заявлениями себе же в глазах остальных».

Буду отвечать по порядку. Мы являемся сторонниками теории науки К. Поппера²⁴. Напомню, что теория эта вообще отрицает возможность достижения научными методами каких-либо *окончательных выводов* не только глобального, а все равно какого свойства, возможность получения научными методами каких-либо *нерушимых доказательств*. В рамках этого подхода вообще все научные теории, даже самые что ни на есть, казалось бы, несомненные, рассматриваются как еще не опровергнутые гипотезы. То есть считается, что сколь бы логичной та или иная теория не казалась, и сколь много абсолютно строгих процедур верификации/фальсификации она совершенно успешно не проходила, ее все равно нельзя считать окончательно и нерушимо доказанной. Подобный подход ориентирует на то, что любая данная теория может быть когда-нибудь опровергнута (а может быть, она и никогда не будет опровергнута, но сказать этого на 100% уверенно мы все равно никогда не сможем). Другое дело, что «научная теория», никогда сколько-нибудь строгой процедуре верификации/фальсификации не подвергавшаяся (а приведение автором «теории» сколь угодно большого числа иллюстраций ее правильности в качестве сколько-нибудь строгой верификации теории не считается), либо в принципе не могущая быть подвергнутой подобной процедуре (например, теория триединства Бога или теория этногенеза Л.Н. Гумилева), в качестве научной теории просто не рассматривается.

Теперь перейдем к вопросу о том, что можно считать научными открытиями. В отечественном законодательстве в качестве научного открытия рассматривается «установление неизвестных ранее объективно существующих закономерностей»²⁵, при этом заявка на открытие должна содержать как теоретические, так и эмпирические доказательства достоверности существования открытой закономерности²⁶. Для нас, как сторонников теории науки К. Поппера, эмпирическое доказательство означает то, что гипотеза, обосновывающая существование соответствующей закономерности, успешно прошла достаточно строгую процедуру верификации/фальсификации.

Почему подбор сколь угодно большого числа иллюстраций правильности постулированной закономерности не может рассматриваться в качестве эмпирического доказательства правильности рассматриваемой гипотезы, не может заменить строгой процедуры ее верификации/фальсификации?

Предположим, некто утверждает, что появление у объектов *X* признака *A* ведет к исчезновению у них признака *B*. Допустим, что общее число объектов *X* – 1 000 000. Допустим также, что на самом деле признак *A* никак от признака *B* не зависит. В этом случае распределение значений случаев будет выглядеть следующим образом (см. табл. 4).

Нетрудно заметить, что эмпирические данные, соответствующие полному отсутствию какой-либо связи между признаками, представляют исследователю совершенно блестящие возможности приводить тысячи, десятки и даже сотни тысяч иллюстраций правильности своей ложной теории, проводить глубочайшие (на «микроуровне») исследования тех многочисленных и вполне реальных случаев, когда появление признака *A* приводило к исчезновению признака *B*, объяснить несколько сотен исключений из постулированного правила, заполнить подобного рода «доказательствами» десятки и сотни толстых томов. И все равно, все это будет не проведением строгой процедуры

Таблица 4

Распределение значений случаев

		Характеристика А	
		отсутствует (–)	присутствует (+)
Характеристика В	Отсутствует (–)	250000	250000
	Присутствует (+)	250000	250000

верификации/фальсификации соответствующей гипотезы, а лишь пародией на нее. Здесь «например» – не доказательство. Сколь много примеров мы бы не привели.

Вполне можно представить себе, как без количественного кросс-культурного анализа можно обойтись при проведении процедуры верификации-фальсификации какой-то закономерности функционирования или эволюции какой-то одной отдельно взятой культуры (хотя и здесь без математического анализа тех или иных баз данных все равно нельзя будет обойтись). Но соответствующее открытие (если оно, конечно, произойдет) и не будет вполне номотетическим (в чем, кстати, ничего плохого нет – закономерности функционирования/эволюции отдельных культур отнюдь не менее интересны, чем универсальные социоантропологические закономерности).

Однако если нам необходимо верифицировать универсальную закономерность или даже просто любую закономерность, предположительно распространяющуюся более, чем на одну культуру (т.е. кросс-культурную закономерность), то математический анализ той или иной кросс-культурной базы данных нам потребуются просто по определению. Таким образом совершить научное открытие (по крайней мере в том смысле, какой в это понятие вкладывается в рамках теории науки К. Поппера) кросс-культурной социоантропологической закономерности без математического анализа кросс-культурных баз данных (совсем не обязательно, кстати, компьютерных), т.е. без применения количественного кросс-культурного метода (в той или иной его модификации), мы не сможем сделать также по определению²⁷.

В заключение подчеркну, что я тоже не считаю, что «структурная лингвистика, компьютерная инженерия или какая-то иная прогрессивная наука поможет нам без пристального изучения лучше понять людей...» Кстати, смогут ли назвать Клиффорд Гирц и Ольга Юрьевна Артемова хотя бы одного реального исследователя, который действительно занимал бы подобную позицию? (Это, конечно, очень удобная позиция – приписать оппонентам какие-то нелепые утверждения, а потом показательно и изящно их громить.) Безусловно, количественный кросс-культурный «анализ не освобождает от кропотливого изучения явлений в культурно-историческом или конкретно-социологическом контексте их существования». Конечно, «применение сложных математических манипуляций со сложно препарированной этнологической информацией не может быть залогом окончательных выводов глобального свойства, нерушимых доказательств тех или иных причинно-следственных зависимостей, а тем более источником – номотетических открытий универсальных социокультурных закономерностей». Все это правильно. Мы со всем этим не спорим. И О.Ю. Артемова «ломится» здесь в открытую дверь. Но точно так же правильно и то, что открытие подобных закономерностей невозможно без количественного кросс-культурного анализа. Мы не считаем, что его применение представляет собой достаточное условие такого рода открытий (хотя О.Ю. Артемова и пытается приписывать нам прямо противоположную позицию). Но применение этого метода является их необходимым условием.

Примечания

¹ В эту категорию были включены общины, получающие более 55% продуктов питания от мотыжного земледелия.

² См., напр.: Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989; Yen D.E. Domestication: Lessons from New Guinea // *Man and a Half*. Auckland, 1991. P. 558–569; Diamond J. *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*. N.Y.; L., 1999. P. 148.

³ За исключением, по-видимому, как раз математиков.

⁴ См., напр.: Мердок Дж.П. Социальная структура. М., 2002 (в печати).

⁵ Driver H.E. An Integration of Functional, Evolutionary, and Historical Theory by Means of Correlations // *Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics*. Vol. 12. 1956. P. 1–26; Driver H.E., Massey W.C. Comparative Studies of North American Indians // *Transactions of the American Philosophical Society*. Vol. 47. 1957. P. 165–456.

⁶ Подробный обзор кросс-культурных исследований по этому вопросу см. в: Коротаев А.В. Джордж

Питер Мердок и школа количественных кросс-культурных (холокультуральных) исследований // Мёрдок Дж.П. Указ. соч.

⁷ Pasternak B., Ember M., Ember C. Sex, Gender, and Kinship: A Cross-Cultural Perspective. Upper Saddle River, 1997. P. 223.

⁸ Коротаев А.В. Указ. соч.; Korotayev A.V. An Apologia of George Peter Murdock. Division of Labor by Gender and Postmarital Residence in Cross-Cultural Perspective: A Reconsideration // World Cultures. Vol. 12. № 1. 2001. P. 179–203; Idem. Division of Labor by Gender and Postmarital Residence in Cross-Cultural Perspective: A Reconsideration // Cross-Cultural Research. Vol. 37. № 3. 2003 (in press).

⁹ В базе данных Д. Уайта–Мёрдока для культур с женским вкладом в жизнеобеспечивающую экономику $\geq 50\%$ $r = -0,35$; $\alpha = 0,04$. В базе данных М. Уайта для культур с женским вкладом в жизнеобеспечивающую экономику $> 43\%$ $r = -0,37$, $\alpha = 0,05$, для культур с женским вкладом $> 57\%$ $r = -0,76$; $\alpha = 0,02$. Эта отрицательная корреляция достаточно выражена и в базе данных Бэрри и Шлегель (для участка 55–78% $r = -0,77$, $\alpha = 0,003$). А для культур, вошедших в базу данных «Этнографический атлас», и имеющих женский вклад в экономику $> 70\%$, существует статистически значимая вероятность того, что они будут скорее патрилокальными (а не матрилокальными), чем культуры с женским вкладом в экономику величинной 50–70% ($\gamma = -1,0$; $\alpha = 0,05$).

¹⁰ Напомню, что под общей (в отличие от единичной) полигинией, понимается такая ее форма, когда полигиния не только разрешена, но и заметный процент брачных союзов (не менее 20%) являются актуально полигинными. При *сороральной* полигинии жены одного мужчины – сестры, при *несороральной* они сестрами друг другу не приходятся. Деление полигинии на сороральную и несороральную достаточно оправданно, ибо (как мы лишним раз увидим это ниже) две эти формы полигинии имеют достаточно разные социальные последствия.

¹¹ Например, у ряда народов Восточной Африки, как пишет Ю.М. Иванов, «каждой жене глава семьи выделял надел, который она обрабатывала вместе со своими детьми, существуя за счет собранного с него урожая. Глава большой семьи имел свое отдельное поле, обрабатываемое его женами и детьми. Урожай, собранный с такого поля, хранился отдельно в его зернохранилище, и он распоряжался им по своему усмотрению. Помимо этого жены снабжали его продуктами питания, произведенными в своих хозяйствах» (Иванов Ю.М. Развитие капитализма в африканской деревне Родезии и Замбии. М., 1970. С. 6).

¹² Обзор кросс-культурных исследований этой проблемы см. в: Коротаев А.В. Указ. соч. Так как описанные этнографами общества с высоким женским вкладом в экономику обычно традиционно характеризовались довольно высоким уровнем военной активности, проблема приобретения одним мужчиной более, чем одной жены существенно облегчалась обычно скошенным балансом полов. В дополнение к этому в подобном контексте обычно развивалась система дифференцированных возрастов вступления в брак (когда девушки выходили замуж сразу же после достижения ими своей половой зрелости, а мужчины получали право жениться только после приобретения ими полного социального статуса, который они получали нередко после 30 лет). В подобном контексте вполне реальными оказывались ситуации, когда все мужчины, обладавшие полным социальным статусом, рано или поздно оказывались во главе полигинных домохозяйств.

¹³ Мёрдок Дж.П. Указ. соч.

¹⁴ Описание источников данных см. в: Коротаев А.В. Указ. соч.

¹⁵ См., напр.: Lippert J. The Evolution of Culture. N.Y., 1931. P. 237; Linton R. The Study of Man. N.Y., 1936. P. 168–169; Eggan F. Social Organization of the Western Pueblos. Chicago, 1950. P. 131; Service E.R. Primitive Social Organization. N.Y., 1962. P. 120–122 и т.д. При этом, как уже говорилось, представления о том, что высокий женский вклад в экономику ведет к матрилокальности, придерживался и Дж.П. Мердок (указ. соч.). И примечательно, что в «ловушку» он здесь попал именно потому, что как раз это положение своей «Теории главной последовательности» он количественной кросс-культурной проверке не подверг (возможно, в силу его кажущейся самоочевидности).

¹⁶ Другим важным фактором, блокировавшим развитие матрилокальности среди большинства мотыжных земледельцев (в «допацификационный период»), являлся высокий уровень внутренней военной активности, бывший характерным для большинства мотыжных земледельцев до пацификации. Сказанное, конечно, не означает невозможности выявления и других такого рода факторов.

¹⁷ Хотелось бы несколько слов сказать о папуасах, которым О.Ю. Артемова уделила особое внимание. По всей видимости, развитие матрилокальности под влиянием относительно высокого женского вклада в экономику, связанного с преобладавшим среди них мотыжным земледелием, было заблокировано среди них не столько общей несороральной полигинией, имевшей среди папуасов довольно ограниченное распространение, сколько высоким уровнем «внутренней военной активности» (*internal warfare*), свойственному большинству папуасских сообществ в «допацификационный» период. Внутренняя военная активность (например, систематические войны между общинами-соседями или линиджами одной общины) является исключительно мощным фактором патрилокальности/нематрилокальности. Дискуссанты, впрочем, ставят эту закономерность под сомнение, но ответить им здесь по этому пункту я уже не могу из-за недостатка места.

¹⁸ В эту категорию были включены общины, получающие более 55% продуктов питания от мотыжного земледелия.

¹⁹ Как мы видим, корреляция у нас получилась в предсказанном направлении и статистически значимой на уровне 0,057. Как известно, обычно в качестве статистически достоверных принято называть корреляции, значимые на уровне $\leq 0,05$, однако никакого строгого обоснования конвенция эта не имеет, а как было шутливо замечено Р. Розенталем, «Бог любит 0,06 почти так же сильно, как 0,05» («*God loves the .06 nearly as much as the .05*») – *Rosenthal R. Cumulating Psychology: An Appreciation of Donald T. Campbell // Psychological Science. Vol. 2. 1991. P. 220*; см. также: *Munroe R.L., Hulefeld R., Rodgers J.M., Tomeo D.L., Yamazaki S.K. Aggression among Children in Four Cultures // Cross-Cultural Research. Vol. 34. 2000. P. 17.*

²⁰ *De Munck V., Korotayev A.V. Problem of Cultural Units in Cross-Cultural Research // Ethnology. Vol. 39. 2000. P. 335–348.*

²¹ Решение это было предложено еще в 1950 г. Б. Уайтингом. См.: *Whiting B. Paiute Sorcery. N.Y., 1950.*

²² *Caro Baroja J. La vida rural en Vera de Bidasoa. Madrid, 1944.*

²³ *Eglar Z.S. A Punjabi Village in Pakistan. N.Y., 1960.*

²⁴ См., напр.: *Popper K. Logic of Scientific Discovery. N.Y., 1959.*

²⁵ Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях 1973 // СП СССР. 1973. № 19. Ст. 109.

²⁶ Там же.

²⁷ Подчеркну, что при этом полноценные идеографические открытия (которые, как известно, ничем не хуже и не лучше номотетических) могут совершаться и без всякого использования количественного кросс-культурного метода. Более того, как раз невозможным по определению оказывается совершение идеографических открытий с применением этого метода.

© 2002 г., ЭО, № 5

Д.А. Халтурина

МЕТОДИКА КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

*Легко судит о глупости ирокезов,
не зная языка ирокезов.*

(Почти из К. Прутков)

Удивительно, насколько разными оказались рецензии, представленные на нашу с А.В. Коротаевым и М.Б. Кунашевой работу. Так, О.Ю. Артемова в качестве эпиграфа взяла цитату Клиффорда Гирца, в которой классик постмодернистской интерпретативной антропологии выражает свои антипозитивистские взгляды, очевидно, предполагая, что сциентистски настроенные ученые хотят «без пристального изучения лучше понять людей».

Постмодернистский переворот 1960–1970-х годов принес новую парадигму научного знания, сменив иерархический принцип научного мышления неиерархическим. Эпоха постмодерна принесла разочарование в ценностях Нового времени с его верой в прогресс, в разум человека, в научные достижения. Высшей ценностью науки, вершиной ее ценностной иерархии является научная истина; постмодернисты же ввели концепцию множественности истины. Все это привело к развитию скептицизма относительно возможности познания объекта научной деятельности как такового и к буйному расцвету субъективизма и эстетизма, что, следует заметить, достаточно плачевным образом сказалось на состоянии антропологической науки, особенно на Западе. Многие антропологи, будучи уверены в невозможности научного познания чужой